

ИЗ ИСТОРИИ ИСКУССТВА

М.М. ФРОЛОВА

МОСКОВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КЛАСС (1833–1843)

Неувядаемая слава замечательных художников А. Саврасова, В. Перова, В. Пукирева, В. Маковского, И. Левитана и многих других невольно притягивает наше внимание и к тому учебному заведению, где проявился, возрос и окреп их талант — к Московскому Училищу живописи, ваяния и зодчества. История его создания удивительна и не похожа на возникновение подавляющего большинства казенных учебных заведений России XIX века.

Училище живописи, ваяния и зодчества начиналось с Художественного класса в 1833 г. Дореволюционная и советская историографии заслугу его организации целиком относят на счет московских художников. В первом фундаментальном труде об Училище, вышедшем в 1951 г., его автор Н.А. Дмитриева утверждала, что группа передовых художников сумела в сытой и лениво-барской Москве, вопреки нежеланию властей, привлечь меценатов, расшевелить тяжелую на подъем московскую знать¹. Хорошо владея архивными материалами, она тем не менее была вынуждена в силу известных жестких идеологических канонов своего времени замалчивать многие существенные стороны организации этого учебного заведения, затушевывая деятельность действительных его создателей: московского военного генерал-губернатора князя Д.В. Голицына, его директоров, петербургских и московских радетелей, вероятно, оттого, что они принадлежали к дворянскому сословию России.

Архив Художественного класса, хранящийся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), вводимый впервые пласт документов из Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ), сообщения печати 1830–50-х гг. помогают представить начальную историю Училища живописи, ваяния и зодчества.

¹ *Дмитриева Н.А.* Московское училище живописи, ваяния и зодчества. М., 1951. С. 14.

Истоки Художественного класса принято видеть в появлении Натурного класса в Москве в начале зимы 1832 г. Инициатива его учреждения, согласно официальным документам, принадлежала адъютанту князя Д.В. Голицына полковнику Ф.Я. Скарятину (1806–1835), который в свое время посещал натуральный класс в Петербурге. Благодаря его ходатайству было получено разрешение на устройство рисовальных вечеров под названием Натурный класс, «где упражнялись в искусстве преимущественно сами учредители»².

Натурный класс объединил 12 человек, в основном профессиональных художников. Они должны были вносить по 15 руб. каждый месяц, которые шли на плату за квартиру, снятую в доме № 14 на Ильинке, на ее оборудование и оплату натурщика. Е.И. Маковский, отец художников К.Е. и В.Е. Маковских, отмечал, что «собрания эти» представляли род клуба, где весело работали и весело отдыхали. «Учителей не было или вернее сказать, все были учителями, учились друг у друга». Лучше всех рисовал Скарятин³.

Натурным классом не переставал интересоваться Д.В. Голицын. В конце первого года работы класса была устроена выставка, после осмотра которой князь принял решение помочь художникам и пообещал им рекомендовать людей со средствами, которые «охотно согласятся для поощрения и поддержания доброго дела» взять расходы на себя. Д.М. Львов, начальник Дворцового архитектурного училища, оценил возможность углубленного обучения рисунку и работы с натурой. Он предложил Натурному классу 500 руб. ас. в год с тем, чтобы лучшие ученики училища имели возможность посещать занятия. Кроме того, члены Натурного класса стали активно пользоваться правом приводить с собой одного товарища без платы, в качестве которого, как правило, выступал один из их учеников.

Голицын объявил московским дворянам о подписке «на заведение в Москве Художественного класса» и сам встал во главе подписчиков. Именно его живое участие привело в движение состоятельных москвичей, желавших послужить городу. Отставной генерал-майор М.Ф. Орлов, отставной полковник А.Д. Чертков и пол-

² Московский Художественный класс // Художественная газета. 1841. № 24. С. 5; Краткое историческое обозрение действий Московского Художественного общества, читанное в торжественном собрании 31 декабря 1868 г. М., 1868. С. 3.

³ *Bunper* Ю.Ф. Е.И. Маковский. М., 1883. С. 10.

ковник Ф.Я. Скарятин⁴, энтузиасты распространения в обществе художественного образования, образовали инициативную группу. Уловив изменения в деятельности Натурного класса, который с приходом учеников стал утрачивать клубный характер «рисовальных вечеров», они составили проект правил по организации публичного Художественного класса и его бюджет.

Преамбула проекта раскрывала благородные цели учредителей. Авторы констатировали, что хотя Москва и «сделалась с некоторых пор средоточием российской промышленности», но в ней отсутствовали средства для «образования в изящных искусствах». Желая пополнить недостаток «первоначальных понятий об истинно прекрасном» и «доставить жителям Москвы способ образования в искусствах, несколько любителей изящного согласились учредить на собственный свой кошт публичный Художественный класс, который мог бы впоследствии служить основанием Московской Академии художеств, ежели успех увенчает их предприятие, публика одобрит их намерение и правительство подтвердит их усилия»⁵.

Художественный класс, согласно проекту, имел целью «приготовительное образование молодых художников». Он учреждался «временно» на 4 года. Капитал собирался по подписке, и каждый участник вносил по 250 руб. в год и имел право присылать двух учеников «какого бы то ни было состояния», не исключая и крепостного. Ученики вольного сословия платили по 150 руб. в год. Не были поставлены возрастные ограничения для учеников, оставался неопределенным срок обучения в Художественном классе. Подписчики выбирали «из среды себя 3 директоров», исполнявших бесплатно обязанности по «управлению заведением и наблюдением за исполнением правил, на коих оно основано». Проект должен был быть утвержден общим согласием подписчиков⁶. Новое общество, на средства которого предполагалось открытие и работа Художественного класса, не получило официального названия. Его действительные члены именовались просто членами-подписчиками Художественного класса, что отражало самую суть их содействия делу.

⁴ РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 3. Д. 1. Л. 3-7.

⁵ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 10. Д. 18. Л. 3об.

⁶ Там же. Л. 3-8.

Проект правил был окончательно завершён в мае 1833 г., но генерал-губернатор, на рассмотрение которому полагалось его представить, в тот момент отсутствовал. Орлов, Чертков и Скарятин не стали дожидаться возвращения Голицына в столицу, а поспешили созвать «предварительное собрание» подписчиков, поскольку с наступлением лета москвичи разъезжались по своим имениям, и это грозило отодвинуть открытие Художественного класса на осень. Собрание состоялось 25 мая 1833 г. в 6 час. пополудни в доме камергера Шипова на Лубянке, куда переехал Натурный класс в связи с увеличившимся числом учеников. Список присутствовавших не сохранился. На собрании были прочтены правила, с которыми все единогласно согласились. Затем приступили «к избранию трех директоров заведения, в звание коих назначены» были М.Ф. Орлов, А.Д. Чертков и Ф.Я. Скарятин. «И наконец, после выборов директоров возложены были на них обязанности принять нужные меры для окончательного приступления к настоящему делу»⁷.

Трое директоров особым письмом от 5 июня 1833 г., доложив Голицыну о результатах этого собрания, испрашивали у него «одобрения начальства для нашего заведения» и соизволения как «на открытие сего заведения, так и на обнародование оногo». Директора выразили надежду, что Голицын как первый подписчик не откажет им в «своем покровительстве и благоволении»⁸. 7 июня 1833 г. последовало положительное письмо Голицына, в котором он подчеркивал «непременную обязанность содействовать Вам к тому всеми средствами от меня зависящими». Он немедленно дал знать о Художественном классе исполнявшему должность московского обер-полицмейстера полковнику Муханову, и после переписки с ним наказал не замедлить с разрешением напечатать составленные правила⁹. Правила были изданы и предъявлены Голицыну, который вновь подтвердил свое расположение: «... мне весьма приятно видеть ныне, что Вы озаботились дать занятиям ход более прочный и составили правила, которые, представляя надежные способы к постоянному изучению искусства живописи и скульптуры, обещают верный ус-

⁷ Там же. Л. 1 и об. Н.А. Дмитриева, не располагавшая этими материалами, полагала, что разработали проект публичного класса уже выборные директора. См.: *Дмитриева Н.А.* Указ. соч. С. 11.

⁸ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 10. Д. 18. Л. 1 и об.

⁹ Там же. Л. 9-11, 17.

пех в полезном Вашем предприятии»¹⁰. С этого ответа князя от 18 июня 1833 г., сохранившегося в фонде Училища живописи, ваяния и зодчества, начинали историю Художественного класса, поскольку ранняя переписка директоров и Голицына была неизвестна.

Проект правил Общества подписчиков и отношение московского военного генерал-губернатора были посланы министру Императорского двора кн. П.М. Волконскому, который передал их на рассмотрение Академии художеств. Ее Совет на заседании 6 июля 1833 г. нашел учреждение полезным и заслуживающим одобрения правительства. «Академия, впрочем, полагает, что учреждение сего класса предназначается для опыта на 4 года, то едва ли нужно ныне Высочайшее утверждение проектированных правил тем более, что время указать может улучшения в сем учреждении необходимые»¹¹. Министр, допустив учреждение Класа, также не признал нужным пока докладывать императору¹². Получив позволение (от 16 июля 1833 г.) на открытие Класа, Голицын письменно известил учредителей о переименовании Натурного класа в Художественный.

В советской историографии отмечалось участие в делах Класа только М.Ф. Орлова (1788–1842), яркой фигуры в движении декабристов. Особо подчеркивалось, «что у колыбели московской школы стоял крупный революционный деятель»¹³. Авторы, писавшие о Художественном класе, ничего не знали о Ф.Я. Скарятине, его имя едва упоминали. А этот достойный человек был к тому же членом тайного общества. Он вступил в него благодаря Ф.Ф. Вадковскому, который при агитации Скарятин, юнкера Нарвского драгунского полка, нарушил все правила, т.к. юнкеров в тайное общество принимать не позволялось. 14 декабря 1825 г., как и М.Ф. Орлов, Скарятин не был на Сенатской площади. Но на следствии была названа его фамилия, и он был доставлен в Петропавловскую крепость. 20 апреля 1826 г. Скарятин повелено было выпустить, вменив арест в нака-

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

¹¹ *Петров П.Н.* Сборник материалов для истории императорской С.-Петербургской Академии художеств за 100 лет ее существования. СПб., 1866. Ч. 2. С. 296-297.

¹² Краткое историческое обозрение... С. 4.

¹³ *Дмитриева Н.А.* Указ. соч. С. 4, 13; *Ацаркина Э. К.П.* Брюллов. Жизнь и творчество. М., 1963. С. 159; *Соловьев В.М.* Улица Кирова, 21. М., 1988. С. 13, 16-20.

вание, и отдать под строгий надзор его дяди, генерал-адъютанта князя А.Г. Щербатова¹⁴. Скарятин участвовал в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и в Польской кампании 1831 г., с 29 декабря 1831 г. служил адъютантом у московского генерал-губернатора князя Д.В. Голицына¹⁵, друга и родственника Щербатова. Про Скарятин говорили, что он был способным молодым человеком и мастерски писал масляными красками. Не подлежит сомнению, что именно он в официальной обстановке и на обедах, которые любил устраивать Д.В. Голицын, говорил о Натурном классе. Его мечту о Московской Академии художеств разделял и поддержал Голицын. Но Скарятин после смерти своей супруги в конце августа 1833 г. уехал в Италию, желая усовершенствоваться в живописи. 11 апреля 1835 г. он умер во Флоренции. При Скарятине художники, бывшие члены Натурного класса, ежедневно посещали Художественный класс. Но с его отсутствием, отмечал Орлов в 1835 г., «сие усердие пало совершенно, и едва какой-либо из посторонних художников нечаянно из любопытства зайдет в наш Класс и полюбуется нашими успехами»¹⁶. Перед отъездом Скарятин убеждал Маковского не оставлять Общество, обещая, что по возвращении его из Рима «у нас будет в Москве своя Академия художеств, независимая от Петербурга, князь Дмитрий Владимирович обещал выхлопотать Высочайшее разрешение»¹⁷.

Третий директор Художественного класса — А.Д. Чертков (1789–1858), о котором Н.А. Дмитриева также не имела никакой информации, был достаточно значимой фигурой в общественной и культурной жизни Москвы 1830-50-х гг. Он прославился фундаментальными работами в области русской нумизматики, археологии, библиографии, славистики. Его нумизматическая коллекция положила основу коллекции Исторического музея, а уникальное собрание книг и рукописей стало первой в Москве бесплатной публичной библиотекой. Он был вице-президентом Общества истории и древностей российских (с 1836 г.), а с 1848 по 1857 гг. — его председа-

¹⁴ Восстание декабристов. Л., 1925. Т. 8. С. 178.

¹⁵ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 9. Д. 897. Л. 101-134.

¹⁶ Отчет Московского Художественного класса за 1834/35 год, читанный в годичном собрании директором М.Ф. Орловым // Московский наблюдатель. 1835. Ч. 2. Отд. 3. С. 172.

¹⁷ Вуннер Ю.Ф. Указ. соч. С. 12.

лем. Московское дворянство выбирало его (с 1835 г.) трижды московским уездным предводителем, а с 1844 г. четыре раза — губернским предводителем московского дворянства.

14 декабря 1825 г. Чертков был далеко от Петербурга, к следствию не привлекался, но он принадлежал к поколению декабристов. Чертков прошел со своим лейб-гвардии Конным полком до Парижа, и его ближайшими друзьями, с которыми он делил трудности походов 1813–14 гг., были П.И. Кошкуль и А.Я. Миркович, организаторы в полку одной из немногих управ «Союза Благоденствия» (сведений о ее составе не сохранилось). Он был дружен с Н.И. Тургеневым, членом Коренного Совета, руководящего органа Союза Благоденствия и Северного общества. Известно, что Тургенев нелегко сходил с людьми, а Чертков для него во Флоренции осенью 1824 г. стал «главным ресурсом» «из людей», с ним он «бывал более всего»¹⁸. Женившись в 1828 г. на графине Е.Г. Чернышевой, Чертков взял на себя ответственность за ее семью, «обремененную бедствиями и скорбями». Он отстаивал право на чернышевский майорат, на который покушался член Следственной комиссии А.И. Чернышев, постоянно ходатайствовал об облегчении участи З.Г. Чернышева и Муравьевых. Чертков не побоялся стать директором Художественного класса, хотя прекрасно понимал, что Орлов, получивший в 1831 г. разрешение жить в Москве, «был возвращен, но не прощен»¹⁹. Состояли Чертков членом «Союза Благоденствия» — не известно, но он был человеком действия, и это качество, по мнению Ю.М. Лотмана, отличало декабристов от массы либеральных и образованных дворян²⁰. Чертков в течение всей своей жизни деятельно служил идее развития просвещения в России, еще в молодости утвердясь в мысли, что «чем народ просвещеннее, тем он не только богаче, счастливее, но и приверженнее к стране и государю, ею владеющему»²¹. Убежденность Черткова в том, что один из путей к социальной гармонии в России — распространение образования, разделял Орлов.

¹⁸ Тургенев Н.И. Дневники Н.И. Тургенева. СПб., 1924. Т. 4. С. 160.

¹⁹ Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т. Т. 2. М., 1954. С. 201–203.

²⁰ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX вв.). СПб., 1994. С. 334–335.

²¹ Чертков А.Д. Воспоминания о Сицилии. М., 1835. С. 69–70.

В отличие от Черткова Орлов в своих рассуждениях о значимости просвещения в России в книге «О государственном кредите»²² опирался на успешный практический опыт. Именно Орлов, назначенный в 1817 г. на должность начальника штаба 4-го корпуса, стал в России зачинателем школ взаимного обучения. Небольшую школу в Киеве, учрежденную генералом от кавалерии Н.Н. Раевским, где обучалось 40 кантонистов, к 1819 г. он привел «в такую степень совершенства», что видеть ее и не восхищаться ею «были бы две совершенно несовместимые идеи»²³. Орлов не только вникал во все мелочи обустройства школы, вкладывая в ее развитие личные средства, но даже сочинил учебник грамматики и разрабатывал методику обучения грамоте. Он всегда жаждал быть полезным отечеству, и в 1833 г., когда государственная служба была ему закрыта, вновь обратил свою энергию на возделывание нивы просвещения. На Черткова, который еще по службе в лейб-гвардии Конном полку заслужил уважение офицеров своей честностью, за что был неоднократно избираем полковым казначеем, возложили обязанности казначея.

Художественный класс начал работать 1 июня 1833 г., хотя его документы еще находились в высших инстанциях (очевидно, в положительном ответе никто не сомневался). Преподавателями стали И.Т. Дурнов, В.С. Добровольский и его брат А.С. Добровольский. Все они закончили Академию художеств. Класс скульптуры начал вести И.П. Витали, но он не мог уделять преподаванию много времени, поскольку был завален заказами, а потом и вовсе переехал в Петербург. Учителям положили неплохое жалование в 500 руб., а помощник директоров, которым стал А.С. Добровольский, пользовался еще и бесплатной квартирой²⁴. Для В.С. Добровольского и И.Т. Дурнова преподавание в Художественном классе было хорошей «подработкой», так как Дурнов имел место учителя рисования в Архитектурном училище, а В.С. Добровольский служил помощником эскизютера Оружейной палаты.

Князь Д.В. Голицын в конце октября 1833 г. посетил Художественный класс и лично передал его «сотрудникам и ученикам» лест-

²² Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа: Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 140, 141.

²³ Русский Инвалид. 1819. № 85. 13 апреля. С. 339.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 3. Д. 1. Л. 7 об.

ное известие, что «начальство признает сие заведение полезным». Ободренные этим Орлов и Чертков задумали расширить возможности Общества подписчиков и Художественного класса. Чтобы оповестить широкую публику и привлечь новых учеников, они решили поместить в газетах «Объявление» об открытии Художественного класса в Москве. Директора убеждали Голицына в письме от 9 ноября 1833 г. дать им «однажды навсегда официальное дозволение печатать обо всем касающемся до Художественного класса в газетах и журналах», т.е. просили освобождение от цензуры. Помимо этого Орлов и Чертков хотели подыскать лучшее помещение, обеспечить достаточное жалование учителям и пригласить новых профессоров, для чего они полагали довести число членов-подписчиков до 50. Надеясь, что князь Голицын не откажет в своем содействии, они заканчивали свое письмо: «Простое же приглашение Вашего Сиятельства будет для многих действительнее, чем всякое настояние от нас»²⁵.

16 ноября 1833 г. московский военный генерал-губернатор дал свое согласие на напечатание «Объявления» в «Московских ведомостях», но не мог дать освобождение от цензуры. Впрочем, князь Голицын заверил, что со своей стороны он «всегда будет готов участвовать во всем том, что будет касаться до меня и сего учрежденного Вами заведения, весьма полезного для московской столицы»²⁶.

29 ноября в «Московских ведомостях» появилось означенное «Объявление», которое редактор газеты князь П.И. Шаликов дополнил примечательным замечанием: «Г-да директора, обращая внимание почтенной публики на сие заведение, надеются, что по части устроительства, приличия и надзора взяты всевозможные меры к тому, чтобы дети самых высших сословий могли с пользою посещать Класс; и уже дети сенатора И.П. Поливанова и А.И. Исленьева посещают сие заведение»²⁷.

В первый учебный год 1833/1834 в Художественном классе обучалось 65 чел., из них 25 пользовались «билетами без платы» благодаря благотворителям Класса. Большинство учащихся овладевало азами рисовального искусства – учились рисовать «с гипсовых голов». И лишь немногие его посетители уже довольно неплохо вла-

²⁵ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 10. Д. 18. Л. 23 и об.

²⁶ Там же. Л. 26.

²⁷ Московские ведомости. 29 ноября 1833 г. С. 4241.

дели карандашом и кистью, поэтому они рисовали только с натуры: Е.И. Маковский, И.К. Бианки, Борелли, Бодри и др. Легкой с натуры занимался под руководством Витали А.П. Лаверечский²⁸.

В конце первого учебного года Голицын вновь обратился к московскому дворянству через его губернского предводителя графа А.И. Гудовича, не пожелает ли кто из дворян стать членом Художественного класса. Благодаря приливу новых членов-подписчиков стало возможным увеличить жалование преподавателям. Исключительная щедрость графа В.А. Бобринского, решившего давать Классу по 2 тыс. руб. в год²⁹, позволила директорам найти для Класса новую квартиру, более обширную и удобную.

На первых порах скудость средств не позволяла обеспечить Класс надлежащим оборудованием и учебными пособиями. Рады были каждому приношению. По свидетельству Маковского, Скарятин подарил Классу Пляшущего сатира, Дурнов — рисунки Кипренского и Белоусова³⁰. Витали пожертвовал статую Фавна. Директора считали, что «натура как бы она ни была хороша сама собою и искусно поставлена, недостаточна для развития понятия о идеальном совершенстве». Вкус и чувство прекрасного у учащихся «рождается от созерцания и изучения всех бессмертных творений и передается уму учеников не столько через холодные советы опытности, сколько чрез виденное явление возвышенной и идеальной красоты пред пронизательным взором и пламенным воображением юношества»³¹.

Помощь пришла из Петербурга от Общества поощрения художников. Его председатель П.А. Кикин, статс-секретарь императора по приему прошений, первым вступил в переписку с директорами Московского класса и в письме от 16 февраля 1834 г. предложил содействие «благим начинаниям Московского общества»³². Он прислал в дар несколько пособий, изданных Обществом («Рисовальная школа» Ж. Ревердена, «Пейзажи рисовальной школы» К.И. Бильмарка, «Анатомия для живописцев и скульпторов» Ж. Дель Медико и

²⁸ Благовещенский А.А. Училище живописи, ваяния и зодчества в Москве // Русский художественный архив. 1894. Вып. 1. С. 3.

²⁹ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 12. Д. 651. Л. 6.

³⁰ Виннер Ю.Ф. Указ. соч. С. 11.

³¹ Отчет Московского Художественного класса за 1834/35 год... С. 164.

³² РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

др.). Директора, чрезвычайно благодарные Кикину, сформулировали встречные предложения — в частности, иметь возможность адресовать в Общество не только учащихся Художественного класса, но и вообще художников, известных директорам, когда те пожелают отправиться из Москвы в Петербург для совершенствования своего мастерства. Комитет Общества поощрения художников не отказал в своем покровительстве, добавив при этом, что он примет на себя и посредничество в определении талантливых учеников Художественного класса в Академию художеств³³.

Но пожар в Классе (в доме Шипова) 4 сентября 1834 г. уничтожил все приобретения. И тогда директора решились обратиться за помощью в Академию Художеств и в Общество поощрения художников. Щедрость Петербурга превзошла их скромные ожидания. Дары прибыли в январе 1835 г. и наполнили «пустыню классов». Они были оценены в 10785 руб. Совет Академии художеств прислал «прекрасный картон, снятый Рафаэлом Менгсом со знаменитой Галатеей Рафаэля Санцио Урбинского, статуи: Оратора, так называемого Гладиатора, и анатомию Фишера, 5 голов и несколько кистей и слепков», 10 живописных работ воспитанников Академии³⁴. Общество поощрения художников подарило несколько статуй (Аполлона Бельведерского, Минервы, Юпитера), несколько картин и до 5000 литографий и эстампов. Последние предназначались для продажи с тем, чтобы Художественный класс получал 20% выручки.

В конце первого учебного года директора Художественного Класа послали на выставку в Академию художеств рисунки учеников с натуры, с гипсовых голов и фигур, а также копии с оригиналов. Академия художеств наградила Маковского за рисунок с натуры серебряной медалью. Первую в истории Класа награду торжественно вручал Маковскому сам князь Д.В. Голицын, президент Художественного класса, на первом экстраординарном собрании участников подписки для Художественного класса. Оно состоялось 20 июня 1835 г. в новой, прекрасно обустроенной квартире, снятой в бывшем особняке князя Ю.В. Долгорукого. Вот как описывал Художественный класс И. Тучнин: «В начале поступления моего Класа меня поразила своей торжественной обстановкой: по широкой парадной ле-

³³ Там же. Л. 3 и об.

³⁴ Петров П.Н. Указ. соч. Ч. 2. С. 319.

стницеходишь в верхний широкий коридор, уже тут на стене до потолка видишь огромную картину аллегорического содержания; отсюдаходишь в дверь — арку и видишь алебастровыми фигурами наполненную мраморную залу, очень высокую, 12 аршин от пола до потолка; от двери арки поперек залы до окон 4 толстые мраморные колонны, не доходя до потолка аршина 2, поддерживают поперечные широкие карнизы. Пройдя мимо этих колонн у стены от двери до окна налево дверь в копировальную комнату с картин масляными красками. Середина этой огромной мраморной залы наполнена в 2 ряда фигурами: Аполлон Бельведерский, Венера Медицейская, Демосфен, анатомическая фигура без кожи и др.»³⁵.

Директорами был представлен Отчет за 1834/35 учебный год. Число учащихся увеличилось до 70, из них 37 пользовались бесплатными билетами членов-подписчиков. Помимо Маковского еще 23 ученика были отмечены за успехи: С. Щеколдин — похвальным листом и живописным ящичком за успехи в рисовании и живописи, похвальным листом 1-го достоинства — 4 человека, похвальным листом 2-го достоинства — 10, изъявлением благодарности — 7.

А.Д. Чертков доложил подробно о расходах (12848 руб. 67 коп.) денежных средств, поступивших в кассу Класа (13221 руб. 72 коп., из них плата за обучение самих учеников собиралась до 1305 руб. в год). Все имущество Художественного класа оценивалось в 12408 руб. 5 коп., из них 10785 руб. приходилось на дары из Петербурга.

В Отчете директора «хвалились» покровительством Голицына, а также князя Волконского, лично посетившего Художественный клас и обещавшего содействие «для прочного основания нашего Класа по истечению условного 4-летия». Внимание влиятельного министра Императорского двора объяснимо только его давним расположением к М.Ф. Орлову, который в 1810 г. был его адъютантом.

Директора с удовольствием выражали признательность учителям Художественного класа и искреннейшую благодарность «за просвещенное благодатное покровительство» со стороны Академии художеств и Общества поощрения художников. Где тут проявление антагонизма между Академией художеств и Художественным класом, который, по мнению Дмитриевой, зародился уже в это время?³⁶

³⁵ Дмитриева Н.А. Указ. соч. С. 16.

³⁶ Там же. С. 17.

Отчет огласил намеченную директорами обширную программу развития Художественного класса, превращения его в Школу живописи и ваяния, ничем не уступавшую Академии Художеств. Ставилась задача «распространить наше преподавание на все сословия общества». Предполагалось обучать живописи женщин и детей в их свободные часы, пригласить «в сотрудники все таланты, разбросанные по городам и дать каждому из них свое особенное постоянное занятие». Директора желали «открыть новые средства», чтобы Художественный класс превратить в такой центр, где художники смогут получать заказы от публики, исполнять и продавать их «легчайшим образом». Орлов высказал мысль о приглашении «какого-либо таланта с европейской известностью», и тогда будут заложены начала Московской оригинальной школы живописи и ваяния³⁷.

Масштабность программы 1835 года может быть соотнесена только с грандиозностью планов отрасли «образования» Союза Благоденствия³⁸. Многозначительны слова Отчета: «Художественное образование общества есть дело государственное и одно из самых вернейших средств к достижению истинного и полезного просвещения. Живопись есть также язык — и язык красноречивый, выражающий много истин для тех, кои умеют его понимать и им говорить»³⁹. Это не привычная аполитичная благотворительность, а воскресенный призыв к преобразованию русского общества предложенными средствами Союза Благоденствия. Лейтмотив программы развития Художественного класса был близок многим современникам, поэтому среди первых благотворителей Художественного класса мы видим членов тайных обществ, которые поддержали Орлова и Черткова: А.М. Исленьева, бывшего адъютанта генерал-майора Орлова (в 1817 г.), графа В.А. Мусина-Пушкина, члена Северного общества, и графа В.А. Бобринского, члена Южного общества.

В Отчете не раз, но не явно звучала надежда на составление оригинальной московской школы живописи, которую лелеяли в мечтах директора Художественного класса. «Московский наблюдатель» высказался более определенно: «Предчувствуют ли, что мо-

³⁷ Отчет Московского художественного класса за 1834/5 год... С. 172-173.

³⁸ Устав Союза Благоденствия//Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1. С. 242, 261.

³⁹ Отчет Московского художественного класса за 1834/5 год... С. 161-174.

жет быть здесь таится зародыш нашего национального вкуса к живописи? Не в Москве ли, в сердце всех народных чувств, в хранилище преданий исторических, должен этот зародыш раскрыться с особенностью русской физиономии?»⁴⁰.

Класс с первого дня существования стал учебным заведением демократического характера, который сообщили Классу его создатели. Еще в 1815 г. Орлов принял участие в составлении известного адреса, поданного Александру I, об уничтожении крепостного права. И «в опальном своем быте в Москве» Орлов не изменился и верил, что «уничтожением крепостного права могло быть положено основание и создан залог правильного развития и преуспеяния отечества как на пути прямого просвещения, так и в области гражданской»⁴¹. Чертков и Скарятин были единомышленниками Орлова, поэтому в устав 1833 г., возобновленный в 1837 г., был включен параграф, согласно которому в Художественный класс принимали учеников без сословных различий, свободных и крепостных, и им давалось одинаковое образование. Однако аттестат на звание свободного (неклассного) художника Академия художеств выдавала только тем, кто имел документы, подтверждающие свободное состояние. С 1817 г. Академия художеств, следуя примеру «образованнейших народов, не допускавших к изучению художеств людей, не свободного состояния», прекратила прием учащихся крепостного состояния⁴².

Директорам Художественного класса приходилось ходатайствовать об освобождении из податного состояния своих питомцев и получении необходимых свидетельств от соответствующих обществ (мещанских, цеховых, купеческих), например, для П. Андреева, Н. Иванова и др. «Мирской увольнительный приговор», выданный после длительных хлопот директоров, открыл дорогу в Академию художеств талантливому ученику И.П. Орлову, государственному крестьянину Тверской палаты государственных имуществ⁴³.

Благотворна была роль Художественного класса в судьбах воспитанников из крепостных. Директора, внимательно следя за успе-

⁴⁰ Экстраординарное годовичное собрание Художественного класса в Москве. 20 июня // Московский наблюдатель. 1835. Ч. II. Отд. VII. С. 155.

⁴¹ Орлов Н.М. М.Ф. Орлов//Русская старина. 1872. Т. 5. С. 777.

⁴² Петров П.Н. Указ. соч. СПб., 1866. Ч. 3. С. 3.

⁴³ РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 5. Л. 21-27, 33, 34, 36, 38, 44, 45.

хами учеников и радея о престиже Класса, немало содействовали освобождению способных воспитанников от крепостной неволи. Когда в 1836 г. Академия художеств отметила К. Бушина, и он был ею рекомендован «в особенное внимание, как подающий о себе надежды», директора возбудили дело о его освобождении от крепостной зависимости. В успешном его решении «принимал милостивое участие» сам московский военный генерал-губернатор, и в 1838 г. графиня Бобринская отпустила на волю своего крепостного⁴⁴. В 1839 г. вольноотпущенный К. Бушин был удостоен Советом Академии художеств звания свободного неклассного художника.

Обучение в Классе помогло получить отпускные свидетельства крепостному штабс-капитану П.Е. Бурцова Н. Иванову (в ноябре 1834 г.) и крепостному генерал-лейтенанту сенатора Каблукова А.П. Суравегину (1837 г.). Каблуков специально подчеркнул, что на его решение дать вольную повлияло желание Суравегина «определиваться в Московскую рисовальную школу для учения живописному художеству». М.Ф. Орлов и в этом случае сохранил неизменную добрую волю, начертав: «Принять без платы и поместить его по его знанию и способностям»⁴⁵. Несмотря на финансовые трудности, директора всегда старались изыскать возможность принять бедных молодых людей без платы, записывая их имена на тех подписчиков, которые, уплачивая взнос, не присылали учеников. Таким образом в Классе обучались М. Станчинский, П.Г. Алмазов, Г. Шапорин и др.⁴⁶

Благосклонна была судьба и к В.И. Штырлякову, хотя поначалу на ходатайство директоров Вл. Шеншин писал в 1840 г., что без разрешения своей матери он не может дать ему вольную⁴⁷. Помещице все же пришлось уступить под тактичным натиском руководства Класса, а в 1842 г. он получил звание свободного художника.

Трудно указать точное число учеников Класса, освобожденных от крепостной неволи благодаря его директорам. Князь Голицын в докладной записке от 1839 г. к полезной деятельности Класса относил также и тот факт, что «трудами Общества» были освобождены

⁴⁴ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 11. Д. 4. Л. 66об.

⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 5. Л. 1-2.

⁴⁶ Там же. Л. 3-5.

⁴⁷ Ляковская О.Я. Московское училище живописи и ваяния // История Москвы: В 6 т. М., 1954. Т. 3. С. 708.

от крепостничества трое его учеников, а «другие скоро ее [свободу] получат»⁴⁸. Сухие строки вряд ли смогут вполне раскрыть, что значило для крепостного не только иметь возможность постигать таинства живописи наравне со свободными, но и уповать, что он сможет круто изменить судьбу и через высокое искусство обрести свободу.

Особенно памятно всем было освобождение И.П. Липина, которое произошло на званом обеде 28 января 1836 г., устроенном в Классе в честь К.П. Брюллова. Этот обед, замышлявшийся членами-подписчиками и любителями художеств как особое выражение восхищения талантом художника и гордости за его триумф в Европе, стал настоящим «праздником искусства». Под влиянием возвышенных чувств, владевших всеми собравшимися, граф В.А. Мусин-Пушкин «тут же дал свободу своему человеку, который оказывал большие успехи в рисовании» (его рисунки были отмечены в Академии художеств в 1834 г. изъявлением благодарности). «Столь благодатное действие графа... произвело восторг всеобщий. Но надобно было видеть силу участия со стороны самого Брюллова: он плакал, как бы был братом, другом N.N. и этими чистыми слезами заменились все красноречивые выражения двоякой благодарности»⁴⁹.

На наш взгляд, деяние графа было обусловлено не только влиянием «прекрасной минуты». Вероятно, объяснение следует искать в другом: граф В.А. Мусин-Пушкин был членом Северного общества, после месячного заключения в Петропавловской крепости он был выпущен, но полицейский надзор с него был снят по ходатайству Д.В. Голицына только в 1834 г. Пресса 1836 г. была скупа на подробности. Но скорее всего М.Ф. Орлов, замечательный оратор, чьи речи в свое время переписывались и ходили по рукам, также выступил с тостом, в котором прозвучала надежда на создание в Москве своей Академии художеств, на распространение в русском обществе истинного образования. А с ним Орлов всегда связывал ликвидацию крепостного права. Озвученные Орловым идеалы молодости затронули сокровенные струны в душе графа Мусина-Пушкина.

В 1836 г. перед тем как во второй раз послать картины учащих-ся на академическую выставку, в Классе была устроена выставка

⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 12. Л. 5.

⁴⁹ Брюллов в Москве // Московский наблюдатель. 1835. Ч. 4. С. 1-4; Московские ведомости. 1836. № 11. С. 229-230.

работ воспитанников. Князь Голицын не преминул ее обозреть, и вывод его был приятно однозначным: «водворение изящных художеств в Москве подвигается вперед быстрыми шагами»⁵⁰. Оценка Академии художеств также была высокой. Совет Академии награждал серебряными медалями 2-й степени С. Щеколдина за успехи в живописи и М. Муратова за успехи в рисовании; а также изъявил признательность К. Бушину, Ф. Болдину, К. Бодри и «персиянину Муменову»⁵¹. Преподаватели Художественного класса в 1837 г. были возведены в звание академиков, но в историографии умалчивались подробности этого награждения.

Директора, желая повысить статус Класа, обратились к президенту Академии А.Н. Оленину с ходатайством о поощрении преподавателей, которое поддержал Голицын: называя И.Т. Дурнова, А.С. и В.С. Добровольских основателями Художественного класса, «в течение трех лет за весьма малую плату неустанно трудившихся», он рекомендовал возвести их в звание академиков по примеру А.В. Ступина. И Совет Академии художеств 6 апреля 1837 г. «нашел справедливым признать гг. художников Алексея и Василья Добровольских и Ивана Дурнова как учредителей Московского художественного класса академиками» без выполнения ими соответствующих программ⁵². Однако Совет был не совсем корректен, уравнивая заслуги преподавателей Художественного класса и А.В. Ступина (1776–1861), исторического живописца и педагога. Он действительно создал школу в Арзамасе на собственные средства еще в 1802 г. «по примеру, хотя в миниатюре, академическому». К 1830 г. «число окончивших школу художников достигло 75, продолжили образование в Академии художеств 12 человек, к тому же 10 были награждены серебряными медалями, а рисовальными учителями стали 13 человек»⁵³. Сколь весома и авторитетна была просьба князя Голицына!

Но в 1837 г. при возобновлении подписки на 6-летний срок организаторы Художественного класса столкнулись с явным «охлаждением в усердии членов». В обозрениях истории Класа, трудности

⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 12. Л. 5об.

⁵¹ Петров П.Н. Указ. соч. Ч. 2. С. 348.

⁵² Там же. С. 350.

⁵³ Молева Н., Белютин Э. Русская художественная школа первой половины XIX в. М., 1963. С. 171-194.

1837 г. вспоминаются мимоходом⁵⁴. Но протоколы заседаний позволяют увидеть истинное его состояние в тот период, обнажают катастрофичность сложившейся ситуации. В историографии остался совершенно неизвестным судебный процесс между директорами и подполковником А.И. Маховым, вступившим 24 июня 1836 г. во временное владение домом, где располагался Класс. С 1 сентября 1836 г. Махов в два раза поднял арендную плату за квартиру, да еще потребовал платеж «следовавшей будто ему суммы с июня 1834 г.». Директорами был произведен ремонт этой квартиры, которая их устраивала во всех отношениях, поэтому они согласились на увеличение платы, но в судебном порядке попытались отклонить несправедливые претензии. В январе 1837 г. Гражданская палата решила дело в пользу Махова с требованием уплаты 3141 руб. 60 коп. В ожидании нового решения Гражданской палаты на поданную от имени Класса просьбу Чертков несколько раз предлагал Орлову и Добровольскому нанять более дешевую квартиру, что позволило бы сэкономить и на плате за дрова и свечи⁵⁵. Возникшие осложнения усугублялись тем, что денег в кассе почти не было. Многие члены-подписчики «не внесли следуемых с них денег», и к 10 марта 1837 г. накопилось до 8939 руб. 25 коп. «недоимок»⁵⁶. В наличности у Черткова находилось 340 руб., у Орлова — 750 руб.

17 апреля 1837 г. состоялось заседание членов-подписчиков Художественного класса, на которое приехало 6 человек, не считая директоров и учителей. Все были согласны с тем, что следует сохранить Класс и защищать его законные права посредством апелляции в Правительствующий Сенат. Процесс с Маховым, который лег на Черткова, закончился только 8 декабря 1845 г., когда Правительствующий Сенат разрешил его в пользу Художественного класса⁵⁷. На заседании было решено прекратить на время действие Общества и «сим самым все должности по Классу». Для приведения в порядок всех дел и поручений, для очищения счетов был составлен особенный комитет, куда вошли М.Ф. Орлов, А.Д. Чертков и А.С. Хомяков,

⁵⁴ Краткое историческое обозрение... С. 4.

⁵⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 296. Л. 21-22, 32-33.

⁵⁶ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 11. Д. 4. Л. 75об.

⁵⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 296. Л. 35-43.

известный философ, славянофил. При Комитете был оставлен писмоводитель, единственный, кому сохранили жалование.

В заседании одобрили предложенные Чертковым, Орловым и Хомяковым суровые меры: нанять новое помещение за самую малую плату, и если Класс не состоится, то предоставить в распоряжение Академии Художеств и Общества поощрения художников вещи, ими пожертвованные. «Член А.С. Добровольский предложил Обществу, чтобы сии вещи отданы были ему в вознаграждение за труды его в звании помощника директоров, на что ни один из присутствующих членов не объявил свое согласие»⁵⁸. Орлов доложил, что нанял квартиру по 24 августа в доме Кожевниковой против Страстного монастыря. Приехавшие члены-подписчики сдали по 250 руб., и благодаря этой сумме Комитет «приступил к поддержанию Класса на собственной своей ответственности и на собственных издержках к восстановлению Общества». Князь Д.В. Голицын обещал свое покровительство и свои средства⁵⁹.

На заседании 3 мая 1837 г. было решено возобновить Художественный класс еще на 6 лет с 1 августа 1837 г., и была объявлена новая подписка. Условия ее остались прежними. «Ежели по подписке окажется до 30 человек, то Класс возымет свое действие, в противном случае Класс и самая подписка считаются не состоявшимися»⁶⁰. В собрании 30 декабря 1837 г. Орлов, Чертков и Хомяков сообщили, что нашли только 18 подписчиков (включая их самих), но некоторые подписались на 2 и более части. Всего собрали 5500 руб., учителя изъявили согласие продолжать свои занятия за половинную цену. Но Комитет выразил надежду на увеличение средств, ведь многие из возможных подписчиков еще не прибыли в Москву. Было решено нанять новую квартиру в доме Эйнбраде (между Тверской и Большой Дмитровкой), поскольку квартира, которую Орлов снял для Художественного класса, «доведенного до невероятной крайности», была столь мала, что занятия живописью были на время прекращены⁶¹. Любопытные подробности о том трудном времени, когда «Общество несколько раз клонилось к упадку», сообщила «Художе-

⁵⁸ Дмитриева Н.А. Указ. соч. С. 20.

⁵⁹ РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 7. Л. 1-7.

⁶⁰ Там же. Д. 1. Л. 6 и об.

⁶¹ РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.

ственная газета»: рвение учащихся было так велико, что многие в продолжение нескольких месяцев занимались на лестнице за недостатком места в самой квартире⁶².

Надежды оправдались, и 19 февраля 1838 г. члены Комитета, испрашивали у кн. Голицына разрешение на существование Класса еще на 6 лет, так как число членов-подписчиков оказалось достаточным для продолжения занятий: князь Д.В. Голицын (500 руб.), Орлов (500), граф В.А. Бобринский (500), князь В. Мещерский (250), Е.В. Новосильцева (500), А.С. Хомяков (250), Чертков (250), граф В.А. Мусин-Пушкин (250), князь Н.А. Касаткин-Ростовский (250), Д.Д. Пономарев (500), А.С. Талызин (250), граф А. Гудович (250), И.А. Мальцов (250), П.И. Шелашников (500), граф Мих. Ю. Виельгорский (250), граф Мат. Ю. Виельгорский (250), П.В. Голубков (250), В.А. Жуковский и Д.И. Свербеев (250), Е.Н. Дмитриева-Мамонова (500), Н.А. Небольсин (250), фабрикант К.В. Прохоров и фабрикант А.М. Матвеев (250)⁶³. Д.В. Голицын, который подписался на 500 руб., с удовольствием поставил свою подпись под этим прошением: «Утверждаю и выдать по моей подписке 1000 рублей»⁶⁴. На заседании 17 апреля 1839 г. Комитет объявил, что в Общество вступило 39 человек, что давало надежду на новое, более прочное существование Художественного класса⁶⁵.

12-17 апреля 1839 г. Орлов организовал выставку работ воспитанников Класса, который вновь (в августе 1838 г.) поменял адрес и теперь располагался в доме проф. Павлова на Большой Дмитровке. Вход на выставку был «безденежный». Для Класса было чрезвычайно важно, что его вновь посетил министр Императорского двора светлейший князь П.М. Волконский и изъявил свое удовольствие и благодарность М.Ф. Орлову и преподавателям.

«Московский наблюдатель» отметил работы, вызвавшие наибольшее внимание посетителей: портреты К. Горбунова, в которых «уловляется жизнь, а не только черты лица», портреты Бодри, Бархмана, прекрасные ландшафты Никольского, Муменова, Бушина и др.

⁶² Московский Художественный класс // Художественная газета. 1841. № 24. С. 5-6.

⁶³ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 11. Д. 4. Л. 62.

⁶⁴ Там же. Л. 60.

⁶⁵ РГАЛИ. Ф.680. Оп. 1. Д. 1. Л. 16-19.

Со страниц журнала прозвучала надежда на появление в Москве своей Академии художеств: «Боже мой! В какое бы короткое время и сколько бы явилось талантов»⁶⁶.

Н.А. Дмитриева подчеркивала, что при том же порядке обучения, что и в Петербургской Академии, при той же методе, в Москве зарождается на первых порах еще робко тяготение к жанру, к изображению простых людей и простой обстановки, того, что повседневно окружает. Это еще не жанр, добавляет исследователь, но некоторая переходная ступень от портрета к жанру, картины без развивающегося действия, без сюжета⁶⁷.

В 1839 г. Орлов намеренно задержал отправку лучших работ учеников Художественного класса на осеннюю академическую выставку ввиду торжеств на Бородинском поле 26 августа 1839 г. С 3 по 6 сентября прошла выставка в Художественном классе, самым долгожданным посетителем которой стал князь Д.В. Голицын, недавно возвратившийся после длительного пребывания за границей. Он был приятно удивлен: «Я был знаком с Классом и знал, чего можно было ожидать от каждого из лучших учеников. Но каково было мое удивление, когда я увидел на самом деле успехи Класса в течение одного года». По его признанию, он тут же «на месте» «взял твердое намерение и поставил себе в священный долг поручить Класс покровительству Того, Который назначен судьбою покровителем всего высокого и полезного в России»⁶⁸.

Голицын в своем отношении в Академию художеств выразил уверенность в том, что достоинства картин учеников Класса, по всей вероятности, не ускользнут от внимания Его Императорского Величества. И действительно работы москвичей два раза удостоились милостивого внимания императора и одобрения, переданного Обществу Советом Академии. В Совет Академии также пришло письмо Орлова с просьбой о награждении Бодри, Андреева, Бушина и Иванова и о «сильном поощрении» преподавателей⁶⁹. И «по письму Орлова» на заседании 15 декабря 1839 г. Совет Академии постановил

⁶⁶ Выставка картин в Московском художественном классе // Московский наблюдатель. 1839. Ч. 2. № 3. С. 50.

⁶⁷ Дмитриева Н.А. Указ. соч. С. 23-24.

⁶⁸ РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 12. Л. 6об.

⁶⁹ РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 8. Л. 3-4.

удостоить звания свободного неклассного художника питомцев Художественного класса: иностранца К. Бодри, вольноотпущенного К. Бушина, купеческого сына Н. Иванова и воспитанника Московского воспитательного дома П. Андреева⁷⁰. Преподаватели Художественного класса благодаря ходатайству Голицына не были обойдены вниманием: Николай I по докладу князя Волконского пожаловал В.А. Добровольскому орден Св. Анны 3-й степени, а И.Т. Дурнову и А.С. Добровольскому – бриллиантовые перстни (3 января 1840 г.).

Кн. Голицын решил воспользоваться благосклонностью государя к трудам Художественного класса, чтобы «утвердить и увековечить это полезное заведение». Он полагал достигнуть этого тройким способом. Первый вариант предполагал включить Художественный класс в число обществ, получавших пособие от правительства. При этом его статус не изменялся, но решались финансовые проблемы, и его служащие считались на государственной службе. Второе предположение было более перспективным, но зато требовало и больше денежных вложений. Оно состояло в том, чтобы учредить в Москве отделение Императорской Академии художеств, соединив в одно целое Архитектурное Дворцовое училище с Художественным классом под управлением вице-президента. И наконец, согласно третьему варианту предполагалось учредить в Москве Отделение Академии художеств и при нем сохранить Художественный класс с помещением и пособием от правительства, «наподобие ученых вольных обществ», образованных при Московском университете. В заключение докладной записки, которая была представлена на Высочайшее воззрение в декабре 1839 г., Голицын писал: «С моей стороны, Всемилостивейший Государь, я надеюсь также не остаться праздным при совершении столь полезного подвига и могу обещать содействие некоторых благотворительных особ, которые, конечно, не откажутся сократить издержки правительства, пожертвованием прилично отделанного дома для помещения нового художественного учреждения, которое по сие время не существовало в Москве и коего отсутствие есть истинный недостаток в просвещении народном»⁷¹.

Николай I пожелал знать, каких издержек от казны потребует «новое образование означенного класса» по каждому из трех вари-

⁷⁰ Петров П.Н. Указ. соч. Ч. 2. С. 391.

⁷¹ РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 12. Л. 7.

антов. 17 января 1840 г. был создан комитет в составе М.Ф. Орлова, А.Д. Черткова и Д.М. Львова, который составил бюджет каждого варианта. За основу расчетов были взяты положения о «Преобразовании училища при императорской Академии художеств», утвержденные царем 4 марта 1840 г. 3 декабря 1840 г. Голицын отправил в Петербург материалы комитета, а в сопроводительном письме отметил: «Ежели бы я следовал собственному моему влечению, то избрал бы из всех предположений третье, которое заключает в себе более полный объем предмета и устраивает в Москве не только высшее художественное образование, но также первоначальное художественное учение; но в нынешнем положении вещей это предположение, по мнению моему, несколько преждевременно, оно остается целью, к которой должно будет стремиться, когда новые успехи дадут нам на это неоспоримое право»⁷².

П.И. Кривцов, назначенный начальником русских художников в Риме, проезжая через Москву, сообщил о готовности Волконского содействовать «ко учреждению в Москве Академии художеств»⁷³, а на первых порах преобразованию Художественного класса. Голицын в уверенном ожидании благих перемен обратился к московским дворянам, обладавшим художественными коллекциями, с приглашением принять участие «в сем великом предприятии»⁷⁴. Однако за недостатком «свободных сумм» «предположение об учреждении в Москве училища художеств» оставалось «не разрешенным». Но 31 января 1842 г. Волконский заверял в том, «что коль скоро представится возможность принести сие предположение в исполнение, я не премину войти об оном Государю Императору с представлением»⁷⁵.

1842 год стал переломным в истории Класса. Он принес ему первые тяжелые утраты: 18 марта из жизни ушел М.Ф. Орлов. Класс лишился своего неутомимого директора в тот момент, когда вновь вставал вопрос о будущем. Положение было такое же критическое, как и в 1837 г. Сказывались неурожайные годы, чрезвычайная дороговизна в Москве повлекла неуплату взносов. 25 августа 1842 г. в журнале заседаний появилась запись: «в настоящее время Класс ли-

⁷² Краткое историческое обозрение... С. 6.

⁷³ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 11. Д. 1927. Л. 25, 27.

⁷⁴ РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 14. Л. 5-8.

⁷⁵ Там же. Д. 12. Л. 18.

шен способов к удовлетворению самых необходимых потребностей... по 1 число сентября числится долгу 4749 руб. 33 коп. Всего потребно для Класа — 5149 руб. 33 коп.»⁷⁶.

Но Художественный класс «успел уже простереть полезное влияние свое и на развитие искусства внутри России. Ученики его посланы были учителями в разные учебные заведения: Иванов — в Рязанскую гимназию, Щеколдин — в Полтавский кадетский корпус, Бушин — в Иркутскую гимназию; Богословский, Герц, Кондаков, Ершов и Медведев получили места учителей в казенные заведения, зависящие от попечителя Московского университета Строганова»⁷⁷. «Липин, Трифонов, Беляев и Филицын получили звания свободных художников, а Горбунов отличен Академией, признавшего его вторым номером между всех своих учеников по этюду, писанному на сентябрьскую треть прошлым 1842 г. Наконец, Борхмонов получил от Его Величества короля Прусского в 1842 г. золотую медаль в Берлине»⁷⁸. В 1839 г. звание свободных художников получили К. Бодри, К. Бушин, Н. Иванов, П. Андреев, в 1840 г. — И. Орлов, 1841 г. — Косинский; звание учителя рисования — Щуровский⁷⁹.

Достижения Класа за неполные десять лет были столь впечатляющими, что в его судьбу вновь решительно вмешался московский генерал-губернатор, ставший его настоящим спасителем. Отношением от 22 августа 1842 г. Д.В. Голицын просил московского гражданского губернатора И.Г. Сеньявина принять на себя звание члена Совета Художественного класа и пригласить в члены Временного совета Художественного класа людей, которые изъявят на то свое согласие. Благодаря содействию Голицына работы учеников Класа были посланы на выставку в Академию художеств в августе 1842 г., и «увенчались новым одобрением Государя императора и лестным отзывом Академического Совета», который признал Художественный клас «первейшим и лучшим из всех русских заведений сего рода». Серебряные медали 2-й степени получили Орлов, Мохов и Шухвостов, звание свободного художника — Мягков и Штырляков.

⁷⁶ РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 3. Д. 2. Л. 3.

⁷⁷ Там же. Д. 5. Л. 5.

⁷⁸ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 12. Д. 1790. Л. 3об.

⁷⁹ Московское Художественное общество // Московские ведомости. 1843. № 148. С. 896.

Во Временный Совет, во главе с Сенявиным, вошли Хомяков, Чертков, член Попечительского совета заведений общественного призрения В.В. Суровщиков, вице-губернатор П.П. Новосильцев, директор Архитектурного училища М.Д. Быковский и почетный гражданин купец 1-й гильдии А.И. Лобков. Нередко в его заседаниях принимал участие сам Голицын. Был составлен проект Устава Школы художников, ее бюджет, положения о Художественном Обществе в Москве⁸⁰. 23 апреля 1843 г. эти материалы были отправлены в Петербург. В сопроводительном письме Голицын ходатайствовал об утверждении Устава Московского Художественного общества и о ежегодном денежном пособии в 5000 руб. для будущей Школы⁸¹.

1 октября 1843 г. Николай I утвердил Устав Московского Художественного общества. Художественный класс был преобразован в Училище живописи и ваяния, которое поступало под Высочайшее Его Императорского Величества покровительство и в ведомство министра Императорского Двора. С 1 января 1844 г. оно стало получать ежегодное пособие в 6000 руб. серебром.

Вся история Художественного класса удостоверяет, что оно возрастало под внимательным и доброжелательным оком представителей власти, в первую очередь московского генерал-губернатора кн. Д.В. Голицына, который помог возникнуть Классу и в решительные моменты не раз спасал его. Следует подчеркнуть, что князь не только слыл, но и действительно был высоким ценителем и знатоком искусства. Любимый московской публикой актер М.С. Щепкин писал: «Д.В. Голицын истинно покровитель искусства. В князе столько было прекрасных человеческих сторон»⁸². Однако в исследовании Дмитриевой усвоен только намерено пренебрежительный тон Герцена, допущенный им по отношению к Голицыну: «Князь Голицын любил людей со свободным образом мыслей, особенно если они его хорошо выражали по-французски». Благоклонное отношение князя к Художественному классу Дмитриева выводила исключительно из того, что князь «дорожил своей репутацией мецената»⁸³. Министр Императорского Двора кн. Волконский и Академия художеств ста-

⁸⁰ РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 3. Д. 3. Л. 23-31.

⁸¹ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 12. Д. 1790. Л. 2-4.

⁸² Щепкин М.С. Жизнь и творчество. М., 1984. Т. 1. С. 125.

⁸³ Дмитриева Н.А. Указ. соч. С. 11.

рались всячески поддержать Художественный класс и какого-то особого антагонизма в отношении к московскому «сопернику», который старательно подмечала советская историография, не питала.

Рождение Художественного класса — одно из проявлений гражданской инициативы лучших представителей московского дворянства. Существование Класа полностью зависело от состоятельных людей, добровольно пожелавших поддержать его. Рвение их слабело, когда экономическая ситуация или личные обстоятельства истощали их кошельки. За свою благотворительность первые подписчики, проникшиеся пониманием полезности для Отечества подобного учебного заведения, не получали никакой выгоды. Это были люди с особым душевным складом и воспитанием. Позднее, с 1858 г., привлечение к делам Училища купцов-благотворителей сопровождалось существенными поощрениями со стороны властей.

Неправы те исследователи, которые полагали, что группа художников при некоторой поддержке меценатов смогла бы создать деятельное учебное заведение при равнодушии властей, не говоря уже об их противодействии. В 1832 г. художники собрались ради повышения своего профессионализма. Орлов, Чертков, не будучи сами художниками, придали этому начинанию общественный и государственный резонанс, превратив Художественный класс в учебное заведение для просвещения народных масс. Московские художники, кроме трех, оставшихся преподавать за плату, в большинстве своем скоро забыли сюда дорогу. Участие Орлова и Черткова в судьбе Художественного класса не ограничилось только спонсорской деятельностью. Управление ими Художественным классом выливалось в работу по организации и налаживанию учебного процесса, обеспечению его всем необходимым, начиная от дров для отопления до приобретения учебных и художественных пособий, книг. Выполнение ими бескорыстно и ответственно обязанностей директоров принадлежит к особому роду благотворительности, сопряженной с активной гражданской позицией Орлова и Черткова. Благодаря их деятельности в Художественном классе создавалась благоприятная возможность для его питомцев постигать таинства искусства, Художественный класс открывал им путь к известности и славе.